

ДОМ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

И.В. Усачева

Рассматриваются информативные возможности ранних жилищ лесной зоны Зауралья и Севера Западной Сибири для проведения социально-экономических реконструкций с использованием микроэкономического понятия «домохозяйство». Продолжается работа над методикой соответствующих исследований, ориентированная на более широкое использование сопутствующего жилищам археологического, природно-климатического и топографического контекста.

Жилище, домохозяйство, производственный коллектив, семья, община, социально-экономическая реконструкция, неолит Зауралья и Севера Западной Сибири.

Тема реконструкции социально-экономических отношений в разные хронологические периоды остается одной из наиболее актуальных в современной археологии. Однако не все территории одинаково обеспечены необходимыми для проведения такого рода исследований источниками. Зауралье и Север Западной Сибири эпохи камня в этом отношении особенно показательны. С одной стороны, здесь из-за широкого распространения кислых почв с хорошим промывным режимом не сохраняется органика и изделия из нее, что создает серьезные препятствия для реконструкции спектра хозяйственных занятий населения и особенностей их комбинации в разном природном контексте. С другой стороны, в силу ряда причин отсутствуют столь необходимые для изучения половозрастной структуры и стратификации социумов древности могильники с массовыми захоронениями. А единичность полностью исследованных поселений делает практически недоступной возможность применения методов пространственной и поселенческой археологии. Поэтому важнейшим источником данных для реконструкции социально-экономических отношений остается жилище.

В археологической литературе всегда отмечался высокий информативный потенциал жилища. В.М. Массон в работе «Экономика и социальный строй древних обществ» рассмотрел жилище в системе общественной эволюции человека и показал, что в принципах домостроительства находят отражение три основных фактора: социальный (структура общества), экономический (тип хозяйственной деятельности) и экологический (природная среда). Отдельно было упомянуто влияние культурного традиционализма [1976, с. 110]. То есть, как следует из теории, наблюдая особенности жилищной конструкции, его размер, количество и состав находок в нем, можно получить важные данные о социальном устройстве общества и его хозяйстве. Однако, когда В.Ф. Старков попытался на практике применить выделенные В.М. Массоном факторы к жилищам лесного Зауралья периода мезолита и неолита, оказалось, что они раскрываются далеко не равноценно [1980, с. 182]. Труднее всего выявляется фактор социальный, причину чего исследователь видит в отсутствии стандартных форм жилищ при единообразии конструктивных особенностей (общий экологический и культурный фактор) и одноочажности (общий хозяйственный фактор). Пытаясь объяснить значительный диапазон вариаций размеров жилищ, в рамках той источниковой и методологической базы, которая тогда была доступна, В.Ф. Старков предложил решение с позиций эволюционизма: в период развитого неолита преобладали жилища мелких размеров (площадью до 30 м²), в позднем — средних (от 30 до 50 м²) и крупных (от 50 до 272 м²) [Там же]. Попытка рассчитать примерное число обитателей домов привела его к выводу, что коллективы небольших жилищ развитого неолита в 4–7 чел. возможно соотнести с «малой семьей», тогда как характер коллективов, занимавших большие и средние жилища, остается не ясен. По-видимому, считает исследователь, при планировке дома (размеры, количество очагов и т.д.) первостепенное значение отводилось экономическому фактору, поскольку население его составляла хозяйственная ячейка, построенная на базе родства. Это могла быть одна семья или несколько брачных пар наиболее близких родственников, объединенных общим

хозяйством и очагом, что полностью согласуется с данными В.Н. Чернецова о социальной организации обских угров [Там же, с. 184–185]. Так или иначе, полученные результаты оказались меньше ожидаемых, сказалось отсутствие соответствующей методики. Необходимо было ее разработать, так же как и соответствующий ей категорийный аппарат. Но прежде требовалось ответить на вопрос, каков характер коллективов, оставивших разные по площади жилища? Действительно ли это семья, как традиционно принято считать в археологической среде, или хозяйственная ячейка? Актуальность такой работы оказалась тем выше, что не все из предложенных В.Ф. Старковым гипотез прошли испытание временем. В частности, не подтвердилась идея объяснить увеличение размеров жилищ эволюцией домостроения. Жилища площадью 100 м² и более выявлены на памятниках первой половины — середины атлантика как в Приишимье (Мергень 6) [Еньшин, 2014, с. 18], так и в Нижнем Притоболье (Юртобор 3, ЮАО 15, Исток 4, VIII Пункт и т.д.) [Зах, 1995, с. 13; Дрябина, Хухорова, 2001, с. 89; Стефанова, 1991, с. 134; Усачева, 2001, рис. 1, жил. 3; и др.].

Новый ракурс в изучении социально-экономической подосновы жилища в значительной мере мотивирован выходом книг В.Р. Кабо «Тасманийцы и тасманийская проблема» [1975] и особенно «Первобытная доземледельческая община» [1986]. На обширных этнографических материалах из всех регионов мира автор доказывает универсальность общины для обществ с присваивающими формами хозяйства и обосновывает ее роль как ведущего производственного и социального института. Тема заинтересовала археологов и стимулировала появление ряда интересных работ, посвященных определению численности неолитической общины охотников и рыболовов таежной зоны, рассчитанной по площади жилищ на поселениях [Бузин, 1990; Буров, 1993; Никитин, Соловьев, 2002; и т.д.]. Эти работы, несмотря на их преимущественное внимание к неолитическим материалам Северо-Востока Европы, а не Зауралья и Севера Западной Сибири, где есть свои нюансы природно-климатического окружения, стали важной вехой в исследованиях социально-экономического пространства. Помимо подсчетов численности, важное внимание было уделено динамике размеров семьи и общины в пределах эпохи и вариативности проявлений, выраженной через многообразие жилищ. В большинстве работ вновь постулирована взаимозависимость природных и социальных факторов, когда численность общины всецело регулируется способностью контролируемой территории создать необходимый ресурс жизнеобеспечения. Итоговые реконструкции разнообразны и убедительны, но, выполненные вне контекста конкретных природно-климатических условий и без детализации способа производства, имеют очень большие границы допуска.

Своеобразным прорывом в исследовании социально-экономических характеристик обитавшего в жилище коллектива становятся две работы екатеринбургских ученых, вышедшие в 2006 г. [Косинская, 2006; Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006]. В этих работах жилище позиционируется как вместительное производственное коллектива (домохозяйства) и прослеживаются аспекты его существования, доступные для реконструкции. Одна из работ рассматривает домохозяйство в контексте взаимодействия с природной средой (особенности природопользования в рамках конкретного ХКТ, размеры и особенности промысловых территорий с соответствующим набором пищевых и сырьевых ресурсов, сезонность хозяйственного цикла, количество и срок эксплуатации жилых построек и т.д.), вторая акцентирует внимание на специфике его внутреннего (домашнего) функционирования и внешних связей с другими поселениями культуры, основа которых (семейно-брачные отношения, совместные хозяйственные мероприятия и т.д.) не всегда очевидна. Оба исследования базируются на материалах быстринской неолитической культуры таежной зоны Севера Западной Сибири. И что особенно важно: в работах не только предложен новый подход к реконструкции социально-экономических отношений, ориентированный на жилище, но выработана методика соответствующих исследований. В качестве единицы анализа выступает жилищный комплекс: отдельное жилище с околожилищным пространством и все находки, относящиеся к периоду его функционирования. Именно жилищный комплекс является результатом и отражением жизнедеятельности конкретного социума (домохозяйства), объединенного деятельностью производственного и бытового характера [Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006, с. 57–58]. В основу методики положен поиск закономерностей как в границах постройки, для чего разработана и апробирована специальная методика анализа структуры жилищного пространства, так и в фоновом окружении (топография поселений, экосистемное разнообразие и т.д.). Сколь плодотворным может быть такой анализ, показывают результаты изучения пос. Быстрый Кульёган 66, где не только удалось реконструировать слож-

ную, максимально адаптированную для северных природно-климатических условий конструкцию жилища для большого (60–90 чел.) коллектива, но и определить примерную модель его природопользования (рыболовы), охарактеризовать хозяйственный цикл и даже выявить следы половозрастной дифференциации занятий и проживания (мужская и женская половины). Таким образом, следует признать, что изучение жилища через призму домохозяйства является одним из наиболее разработанных и перспективных направлений для выполнения социологических реконструкций.

В упорядоченном виде с некоторыми дополнениями эту методику можно представить как трехэтапную схему, известную со времен В.М. Массона, но теперь наполненную конкретным содержанием, эффективность применения которой будет тем выше, чем более однородными будут изучаемые комплексы (принадлежность к одной культуре; разным культурам в пределах одной экосистемы и т.д.). 1. Экологический фактор: а) учитывает географию находки; б) предполагает реконструкцию палеоклиматического и ландшафтного окружения на основе радиоуглеродного датирования постройки, позволяющего определить ее место в палеоклиматической колонке региона и охарактеризовать в соответствии с ней возможные изменения экосистемы (появление остепненных участков, усиление залесенности, регрессии и трансгрессии водоемов и т.д.) [Ландшафты..., 2008; Таиров, 2003; и др.]. Совокупная характеристика по подпунктам позволяет соотнести комплекс с одной из известных моделей природопользования (хозяйственно-культурный тип, хозяйственный комплекс). 2. Экономический фактор: а) исходит из изучения топографии объекта и поиска закономерностей в условиях расположения однокультурных ему памятников (в глубине леса, на песках, переях, приустьевых мысах, озерных протоках и т.д.). Здесь необходимо учитывать, что археологи, как правило, имеют дело с поселениями, расположенными около рыбных угодий, поскольку промысловые охотничьи дома в глубине леса редко оказываются в поле их зрения; б) поиск закономерностей в распределении и количестве материала на поселении (только в жилищах, в жилищах и на межжилищном пространстве, иные особенности) выводит на реконструкцию длительности и условий его обитания (сезонный летний/зимний, круглогодичный, кратковременный); в) анализ орудийного набора; г) анализ остеологических материалов (там, где они имеются). Совокупность характеристик первых трех подпунктов ориентирует на сезонность хозяйственного цикла и возможные способы природопользования (охота на таежного зверя, развитые формы рыболовства и т.д.). 3. Социальный фактор: а) количество домов на поселении — показатель, важный для характеристики территориальной (локальной) общины. На деле бывает труднодостижим: с одной стороны, не все постройки даже на однослойных памятниках явлены на поверхности, с другой — практически невозможно до раскопок говорить о синхронности жилищ, даже если их немного (например, факт регулярной смены жилища с периодичностью 5–15 лет из-за оскудения запасов дров в окрестностях или пищевых ресурсов [Косинская, 2006, с. 21]; б) выявление размеров жилищ и количественного состава их обитателей (домохозяйство в форме малой семьи, большой семьи); в) поиск закономерностей в распределении материала по площади постройки для реконструкции элементов хозяйственно-бытовых занятий в условиях дома, их гендерного анализа с выявлением, где это возможно, соответствующей структурированности пространства дома; г) изучение посуды на предмет ее размерности как возможного показателя структурированности коллектива (патриархальная семья — в случае выявления сосудов особо крупной емкости; совокупность относительно независимых малых семей — при отсутствии таковых). Методика ориентирована на реконструкцию социально-экономических отношений, специфичных для каменного века лесной зоны Зауралья и Севера Западной Сибири, но в адаптированном виде она доступна и для более поздних эпох.

Поскольку для археологии ранних периодов термин «домохозяйство», широко используемый в сфере гуманитарных наук, является заимствованным и относительно новым, имеется необходимость остановиться на его содержании подробнее. Важно также разграничить его с понятиями «семья», «община», «хозяйственное объединение», «производственный коллектив», тем более что все они так или иначе связаны с жилищем. Термин «домохозяйство» (household) в финно-угроведении известен уже по крайней мере с 1926 г., когда в одной из работ финского языковеда и этнолога Х. Паасонена он был использован для обозначения большого домового

коллектива¹ [Чернецов, 1971, с. 81]. Однако лишь в 70–80-х гг. прошлого века его начинают активно использовать первоначально в культурной антропологии и этнографии (Н. Габсер, П. Гарднер, Л. Гемпл, Р. Гоулд, В.Р. Кабо, И.И. Крупник, З.П. Соколова, В.Н. Чернецов и др.), а с начала 90-х гг. — в экономике и социологии. В разное время и в разных контекстах в силу сложности объекта и его изменчивости понятие «домохозяйство» неоднократно меняло смысл и толкование. Сегодня его определяют как обособленную ячейку общества, в рамках которой происходит производство общественного продукта, его потребление, а также воспроизводство рабочей силы, т.е. самого человека [Аберкромби и др., 2004, с. 128; Можайкина, 2008а, б; Нугуманова, 2012; и т.д.]. Входящая в его состав группа лиц чаще всего объединена отношениями родства или брака, но не обязательно, что является одним из главных структурных отличий домохозяйства от семьи. Важно, что все его члены проживают под одной крышей и принимают совместное участие в производственной деятельности, обеспечивающей его жизнедеятельность, а также внешнее взаимодействие с другими субъектами в интересах домохозяйства. С формальной точки зрения главным отличием домохозяйства от семьи является то, что первое характеризует обитателей жилища как социально-экономический организм, второе — с позиций института семейно-брачных отношений. В отличие от семьи, как одного из весьма консервативных социальных институтов, домохозяйство как субъект экономических отношений, напротив, широко вариативно, подвижно и легко поддается социально-экономическим модификациям [Сергеев, 2003]. Учитывая сложность и динамичность понятия, основное внимание в работах специалистов уделяется его современным состояниям и особенностям. Сегодня домохозяйство относят к фундаментальным микроэкономическим понятиям, однако, несмотря на востребованность, оно продолжает оставаться одним из наименее исследованных экономических институтов, в силу того, что относительно недавно привлекло внимание ученых. Тем более это касается его древнейших форм, общепринятой характеристики которых еще не выработано, а именно они представляют для археологов наибольший интерес. Что можно сказать о них? Попробуем суммировать имеющуюся в научной литературе информацию.

В представлении современных демографов: социогенез изначально представлял собой сочетание двух равнопорядковых процессов: становление социального управления демографическим воспроизводством и становление социальной структуры общества, основанной на разделении труда [Авдеев, 2003, с. 72]. Поскольку первоначальное разделение труда было по полу и возрасту, процесс формирования демографических и производственных отношений фактически был единым. Социальная структура общества совпадала с его демографической структурой, и это обусловило бифункциональность социальных институтов древности [Там же, с. 88]. Важнейшим и универсальным социальным институтом первобытности и ведущим производственным коллективом социума являлась община [Кабо, 1986]. Со временем семья в своем институциональном качестве социально-экономического единства, а значит, и в структурном своеобразии ведения и организации домохозяйства (именно как хозяйственной единицы) все более позиционирует себя. По данным В.Р. Кабо, тенденция к хозяйственно-бытовому обособлению семьи начинает проследиваться с верхнего палеолита и связана с появлением специализации как следующего (после половозрастного) этапа в развитии внутриобщинного разделения труда [1986, с. 63]. Составить некоторое представление о ранних формах домохозяйства позволяет предметный анализ домовых коллективов в этнографии охотников, рыболовов, собирателей. В результате удастся выявить некоторые общие (универсальные) черты, позволяющие охарактеризовать раннее домохозяйство, несмотря на многообразие его конкретных проявлений и разницу в представлениях о нем у разных авторов. Известны две точки зрения. Одна близка позиции экономистов и определяет домохозяйство как минимальную социально-экономическую ячейку, в качестве которой может выступать как малая, так и большая или расширенная семья [Gardner, 1969; Кабо, 1986; Крупник, 1989; и т.д.]. Вторая традиционно понима-

¹ В.Н. Чернецов сообщал, что при описании домового коллектива, состоящего из некоторого количества брачных пар, «умышленно избегают слова “семья”, так как в угорских языках отсутствует соответствующий термин, так же как нет и соответствующей ему общественной единицы. Мансийское kol-tayel букв. “наполнение дома” и хант. хòтəя хàтəх (Paasonen, 1926, № 526, familie, houshalt) означает то, что описательно можно назвать “расширенной семьей”, т.е. коллектив, состоящий из нескольких брачных пар наиболее близких родственников включая и зятьев, в случаях матрилокальных браков,— ведущих совместное хозяйство, что было отмечено Паасоненом, давшим параллельный перевод “домохозяйство”. В настоящее время такой домовый коллектив редко превышает две-три брачные пары, но в XIX в. его средний размер был пять-семь брачных пар, а в XVIII в. число их в одном доме доходило до 30. В настоящее время для парнобрачной семьи употребляется и русский заимствованный термин — М. Х. Š'emja» [1971, с. 81].

ет в качестве такового прежде всего расширенную семью [Gubser, 1965; Лебедев, 1980, с. 83; Чернецов, 1971; и др.], по отношению к которой в качестве синонима часто употребляется термин «домовая община» или «домовой коллектив» [Тан-Богораз, 1936; Паасонен, 1926 (цит. по [Чернецов, 1971, с. 81]); и т.д.]. С позиций социально-экономического исследования первое толкование кажется предпочтительнее, на него в дальнейшем и будем ориентироваться.

Главной особенностью ранних типов домохозяйств оказывается существование в рамках общины, где они обладают определенной автономией в индивидуальных занятиях, но при этом всецело подчинены общественному производству, основанному на коллективном труде (коллективные формы охоты, рыболовства, собирательства) и общественной собственности на землю и уголья [Кабо, 1986, с. 63]. Степень автономности варьируется. Наибольшей самостоятельности домохозяйства достигают в условиях оседлого рыболовства, обеспечивающего наиболее стабильный достаток в сравнении с другими присваивающими формами хозяйства. Распределение получаемого продукта осуществляется под контролем общества, хотя далеко не всегда уравниательно. Как и в современном домохозяйстве, на ранних стадиях коллектив чаще всего объединен отношениями родства или брака, но не обязательно. Многочисленные примеры демонстрируют разнообразие вариантов. Так, Л. Гемпл сообщает, что домохозяйство в большинстве районов Арктики — это простая семья, но в нее могут входить единокровные или усыновленные родственники, родственники жены или мужа, их дети. Обычно она размещается в одном жилище (цит. по [Кабо, 1986, с. 45]). Г.Ф. Миллер, исходя из данных В.Ф. Зуева, говорит об обско-угорской большой семье XVIII в., что она состоит из группы кровных родичей, обрастающей «товарищами». З.П. Соколова видит в товарищах подворников — обычно это малые семьи, нередко семьи вдов, носящие иные фамилии, нежели основные семьи. Они объединяли свой труд с более обеспеченной семьей, жили и кормились около нее. Число семей с подворниками достигало 13 % [Общественный строй..., 1970, с. 135–136]. Подворники отмечены и в селькупских семьях, причем как связанные, так и не связанные родством с основной семьей. Обычно, как свидетельствуют материалы переписей, в подворники шли одинокие трудоспособные мужчины и женщины. Отмечены случаи, когда несколько одиноких мужчин и женщин объединялись для ведения совместного хозяйства [Лебедев, 1980, с. 84]. У тунгусов в XVIII в. наряду с малой семьей существовало многоженство (до 5 и более жен), что сочеталось с поддержкой малоимущих сородичей, вдов, инвалидов, сирот. В семьях помимо родственников упоминаются воспитанницы [Там же, с. 221–223]. И так далее.

Зародившись в составе общины, домохозяйство становится ее первичной социально-экономической ячейкой. А поскольку «основной функцией общины всегда является ее деятельность в качестве ведущего производственного коллектива, стремящегося привести структуру², состав и относительную величину прежде всего в соответствие с требованиями производства» [Кабо, 1986, с. 60], домохозяйства обретают многообразие размеров и форм. При этом их развитие не имеет ничего общего с линейной эволюцией, допуская наряду с прогрессивными регрессивные явления и формы [Там же, с. 62]. Важно также учитывать, что развитие традиционных обществ характеризуется высокой динамичностью, причем в широком смысле, включая экономику, систему природопользования, демографию и социальное устройство [Крупник, 1989]. И действительно, обращение к этнографии народов Сибири показывает многообразие форм и размеров домохозяйств: патриимии, разновидности большой и малая семьи [Общественный строй..., 1970; Соколова, 1983, прил.]. Их выбор, обусловленный адаптивной стратегией коллективов, определяется «не только особенностями среды, но и уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями группы, внешним воздействием и множеством других социальных факторов» [Крупник, 1989, с. 16]. Важное значение придается фактору жестких связей между численностью человеческих коллективов и ресурсами среды обитания [Там же, с. 17]. Однако следует признать, что даже применительно к этнографии коренных народов Западной Сибири конкретные формы домохозяйств, так же как и причины, влияющие на их размеры, пока мало изучены. При том, что размеры и состав временных хозяйственных объединений промысловой направленности (производственных коллективов, хозяйственных групп, артелей) исследован у разных народов достаточно хорошо [Общественный строй..., 1970, с. 384–

² Обязательными элементами структуры общины помимо семьи-домохозяйства являются целевые и хозяйственные группы, которые, по словам В.Р. Кабо, есть уже у тасманийцев, наиболее архаичного из известных этнографии обществ [1986, с. 60]. Домохозяйство может выделять их из своего состава; может формировать хозяйственные группы, объединяясь с другими домохозяйствами; может само выступать в качестве хозяйственной группы.

417; Головнев, 1995, с. 52–61; Лебедев, 1980]. Пока же можно ориентироваться только на зафиксированные тенденции: малочисленная группа не в состоянии выполнить стоящие перед ней хозяйственные и социальные задачи. А для поддержания существования чрезмерно большой группы требуются большие затраты труда и ресурсов. Развитые формы рыболовства дают в этом отношении больше возможностей, чем промысел таежной дичи, потому домохозяйства охотников в глубинных частях тайги были мельче, чем у оседлых рыболовов, и их локальные группы селились более разбросанно [Чернецов, 1971, с. 75; *Общественный строй...*, 1970; и др.]. Что отчетливо проявляется в размерах общины: «в общинах охотников и собирателей разных зон земного шара — в среднем 35–50 человек, тогда как у оседлых рыболовов и ранних земледельцев средняя численность общин составляет 100–150 человек (верхний предел — около 350–400 человек)» [Кабо, 1986, с. 57].

Напоследок вернемся к поставленному в начале статьи вопросу: что представлял собой коллектив, обитавший в жилище? Ответ неоднозначный, зависит от целей, задач и возможностей исследования. Малые жилища наиболее вероятно можно связать с малой (парной) семьей и того же размера домохозяйством; средние — с одним из вариантов большой или расширенной семьи и домохозяйством; крупные — с одним из вариантов большой или расширенной семьи, общиной и опять же домохозяйством. В зависимости от модели природопользования под крышей жилища временно могут размещаться целевые хозяйственные объединения (поколка оленей, загонные охоты и т.д.) или из его состава формироваться сезонные хозяйственные группы. Поскольку в археологических материалах все нюансы формообразующей структуры домашнего коллектива зафиксировать невозможно, в социально-экономических реконструкциях уместным кажется придерживаться такого микроэкономического понятия, как домохозяйство (домовой производственный коллектив), тем более что в угорских языках изначально отсутствует соответствующий семье термин, так же как нет и соответствующей ему общественной единицы. Как показывает анализ содержания его ранних форм, домохозяйство охотников и рыболовов можно охарактеризовать как относительно устойчивую форму хозяйственного (производственного) коллектива в рамках общины, обитающего в одном доме и в отличие от промысловых хозяйственных объединений или групп главной функцией имеющего систематическое жизнеобеспечение и воспроизводство его членов преимущественно на семейной основе. Накопленный к сегодняшнему дню опыт подтверждает высокий информативный потенциал жилища, который напрямую зависит от совершенства используемых методик. Теоретические выкладки апробированы на материалах сосновоостровской культуры, информацию о чем планируется представить в ближайшее время. В работе вводятся новые методические установки, ориентированные на более активное использование палеоклиматических и топографических характеристик, составляющих окружение анализируемых объектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. 620 с.
- Авдеев А.А.* Исторические типы народонаселения в докапиталистических формациях. М.: МАКС Пресс, 2003. 158 с.
- Бузин В.С.* Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // СА. 1990. № 3. С. 32–43.
- Буров Г.М.* Нео-энеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 23–40.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
- Дрябина Л.А., Хухорова Н.В.* Динамика развития неолитического поселения на XV участке Андреевского озера // Словцовские чтения-2001: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. С. 88–90.
- Еньшин Д.Н.* Неолитические жилища поселений озера Мургень // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Зах В.А.* Боборыкинский комплекс поселения Юртобор III в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 12–28.
- Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://aboriginals.narod.ru/primitive_preagricultural_community.htm.
- Косинская Л.Л.* Взгляд археолога на западно-сибирскую этнографию: Некоторые аспекты археологических реконструкций // Твер. археол. сб. Вып. 6. Т. 1. Тверь, 2006. С. 19–25.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири...

- Ландшафты* голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зими́на, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Лебедев В.В.* Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. 1980. № 2. С. 82–91.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 192 с.
- Можайкина Н.В.* Методологическая основа исследования домохозяйств // Вісн. Харків. націон. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2008а. № 802. С. 33–39.
- Можайкина Н.В.* Социально-экономическая сущность категории домохозяйства // Вестн. Междунар. слав. ун-та. 2008б. Т. XI, № 1. С. 54–60.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья: (Эпоха камня и бронзы). Йошкар-Ола, 2002. 162 с. (Тр. Марийской археол. экспедиции; Т. VII).
- Нугуманова Л.Ф.* Институциональная трансформация домашних хозяйств в современной экономике: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань, 2012. 43 с.
- Общественный* строй у народов Северной Сибири: XVII — начало XX в. / Под ред. И.С. Гурвича, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. 453 с.
- Поселение* Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Кол. моногр. под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.
- Сергеев Д.В.* Институциональные особенности домохозяйств в постперестроечной России. М., 2003 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://bookfi.org/book/991199>.
- Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 328 с.
- Старков В.Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Стефанова Н.К.* Исток IV — Неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 132–143.
- Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.
- Тан-Богораз В.Г.* Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л.: Наука, 1936. С. 55–90. (Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР; Т. 4).
- Усачева И.В.* Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Притоболья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. М.: Наука, 1971. Вып. В4-12 (2). 120 с.
- Gardner P.M.* Paliyan Social Structure // Contribution to Anthropology: Band Societies. Nation. Museums of Canada. Ottawa, 1969. Bull. 228.
- Gubser N.J.* The Nunamiut Eskimos: Hunters of Caribou. New Haven. 1965.

Тюмень, ИПОС СО РАН
i.usachova@gmail.com

The article considers an informative potential of early dwellings from forest zone of Trans-Urals and North of West Siberia aiming to undertake socioeconomic reconstructions, using a microeconomic notion of «household». Subject to proceeding, being methods of corresponding investigations oriented at broader application of archaeological, natural-climatic and topographical contexts accompanying the dwellings.

Dwelling, household, production group, family, community, socioeconomic reconstruction, the Neolithic of Trans-Urals and North of West Siberia.